

Читаю Бродского

Я Бродского читаю. День во мне
Перемешался с ночью. Руки стынут...
И с жадностью вселенскою придвинут
Чай обжигающий к губам. Как на огне,

Как на поленьях адовых, душа,
Читая строки, ёжится и стонет,
А взгляд – каким-то зреньем посторонним
С листа вбирает буквы, не спеша.

Чем так пленит и ранит монолог,
Такой огромный и такой негромкий?
Я слышу, как струится голос ломкий,
И – мозг взрывает непевучий слог!

Читаю Бродского. Весь день, всю ночь, всю жизнь,
Читаю, упиваясь словом каждым.
Войдя строкою в жизнь мою однажды,
До выхода в финале – удержишь!

Не мантрой, не молитвой, а судьбой
На вымученных родственных дорогах,
Да поцелуем в темечко от бога,
Мечтаю окрылённой быть тобой.

Благославляю мысленно твой след,
И мессианским именем болею...
Читаю Бродского. Вот всё, что я имею
Сквозь призму стран и строчек, зим и лет.

Я, как он, – напишу про окружность...

После спектакля, где Михаил Барышников читал и танцевал 50 стихотворений своего друга Иосифа Бродского 22-го января 2016-го года в городе Тель-Авив – Яффо.

Он стихи танцевал, как танцуют последнее танго, – после ночи навзрыд, когда счёты с земным сведены...
Стая книжных страниц, высотой заоблачной планки, танцевала, да так, что исподние были видны!

Белый стул танцевал, испомаженный кремом для тела, и являл сухожилия кентавра, где было дано...

И открытого рта фуэте прямо в космос летело! – по-немому, безгласно, как мим в чёрно-белом кино.

Замыканья щитка, как нейроны у публики в зале, порождали разряд (и как следствие – взрыв и испуг!). Провода оголённые боль и тоску танцевали, что в запасе у гения были, как ром и мундштук.

Тренированным телом и мускулом выпуклым каждым танцевал Тель-Авив на стихи о простуженных днях, о простом одиночестве в небо идущих отважных, кто стихи танцевал, кто парил на крылатых конях.

И остатки заплаканной обескураженной воли на ступеньках, на выходе, вместе в пучок соберу, – танцевали стихи моей собственной прожитой доли...

Я, как он, – напишу про окружность – и тихо умру.